

правоотношения имеет ту специфику, которая складывается между нотариусом, с одной стороны, и заинтересованными лицами – с другой. Нотариус – обязательный участник любого нотариального правоотношения, поскольку последнее возникает в процессе его деятельности, а участники вступают с ним в отношения. Государственный или частный нотариус выступает от имени государства и выполняет удостоверительную или правоохранительную либо предупредительную функцию.

Уникальность института нотариата, его полезность и необходимость заключаются в том, что он обеспечивает правоохранительную функцию государства, законность и правомерность действий участников гражданского оборота за счет них самих, без каких-либо затрат со стороны государства, тем самым реализуя компетенцию, права и обязанности отдельных органов в соответствии с их местом и назначением в государственном механизме и в системе политической организации общества²⁵.

Институт нотариата упорядочивает общественные отношения по обеспечению защиты прав и законных интересов граждан посредством совершения нотариальных действий, которые осуществляют уполномоченные на это государством должностные лица и органы. Это – одна из форм осуществления функций государства посредством властной деятельности органов государства по охране норм права от нарушений, защите представляемых гражданам субъективных прав и обеспечению выполнения возложенных на них юридических обязанностей. Иными словами, включают в себя меры по предупреждению правонарушений, расследованию всех обстоятельств дела и выяснению истины в каждом случае²⁶. Нотариусы помогают гражданам становиться полноправными собственниками, активно участвуют в укреплении правового порядка.

При формировании новых правоотношений собственности в связи с радикальными изменениями в социальной и экономической жизни страны все чаще приходится обращаться к нотариусу как гаранту бесспорных прав и законных интересов граждан и юридических лиц.

Причем в структуре этого института объединены нормы, относящиеся к конституционному, международному, муниципальному, гражданскому, гражданскому процессуальному и административному праву²⁷. Правовая природа нотариата определяется его юрисдикционной, юрисдикционно-удостоверительной деятельностью. По организации, функциям, формам деятельности и основным составляющим нотариальная практика носит правовой характер и обеспечивает сочетание интересов государства, общества, граждан и самих нотариусов.

Нотариат в своей деятельности подчиняется только закону и несет ответственность за ее результаты. Он также несет ответственность за выдаваемые документы, выполняет свои обязанности публично, совершая регистрацию от имени государства. Основания и объем имущественной ответственности нотариусов, занимающихся частной практикой, и нотариусов, работающих в государственных нотариальных конторах, установлены ст. 17 Основ законодательства о нотариате²⁸. Институт нотариата снижает количество споров в сфере имущественных отношений, так как на стадии согласования условий и заключения сделки нотариус способствует выявлению истинной воли сторон, обеспечивает условия, чтобы юридическая неосведомленность сторон не причинила им вред. Государство заинтересовано в том, чтобы все граждане сознательно и добровольно соблюдали закон в качестве условия общественного спокойствия – предмета всеобщей заинтересованности. Для государства конфликт – нежелательное явление и неизбежное зло, которому приходится противо-

²⁵ См.: Байтин М.И. Сущность и основные функции социалистического государства. Саратов: Изд-во СГУ, 1979. С. 215.

²⁶ См.: там же. С. 230.

²⁷ См.: Филимонов Ю. Нотариус – лицо должностное? // Росс. юстиция. 1996. № 9. С. 15 – 17.

²⁸ См.: Ведомости ВС РСФСР. 1993. № 10.

стоять²⁹. Судебное разбирательство, споры, конфликты должны быть исключены.

Законный интерес – это отражающий в субъективном праве либо вытекающий из его общего смысла и в определенной степени гарантируемая государством юридическая дозволенность, выражающаяся в стремлениях субъекта пользоваться определенным социальным благом, а также в некоторых случаях обращаться за защитой к компетентным органам государства или общественным организациям в целях удовлетворения своих интересов, не противоречащих общегосударственным. Субъективные права есть средство обеспечения интересов, одна из форм их проявления и юридической защиты³⁰, что имеет место и в нотариальном правоотношении. Субъектам предоставляется возможность осуществить то или иное действие. Корреспондирующая этому субъективному праву обязанность лежит на других гражданах, которые должны воздерживаться от воспрепятствования субъекту в осуществлении его права. Специфическая особенность здесь состоит в их длящемся характере.

Библиографический список:

1. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 1997. С. 212, 213.
2. Алексеев С.С. Частное право. М: Статут, 1999. С. 14.
3. Алешина Т.Е. Нотариальная форма реализации права (Теоретико-правовое исследование): Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 52.
4. Байтин М.И. Сущность и основные функции социалистического государства. Саратов: Изд-во СГУ, 1979. С. 215, 230.
5. Большой энциклопедический словарь. М.; СПб., 1998. С. 408.
6. Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М.: Юрид. лит., 1992. С. 96.
7. Гулиев В., Колесников А. Отчужденное государство: проблемы политического и пра-

вового отчуждения в современной России. М.: Манускрипт, 1998. С. 23.

8. Колосова Н.М. Конституционная ответственность в Российской Федерации. М., 2000. С. 139 – 141.

9. Колосова Н.М. Обеспечение конституционной законности // Законность в Российской Федерации. М.: Спарк, 1998. С. 27.

10. Комаров С.А. Общая теория государства и права. М., 1996. С. 269, 271–273.

11. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006.

12. Лазарев В.В., Левченко И.П. Правоприменительная деятельность органов внутренних дел. М., 1989. С. 41, 42.

13. Макарова З.В. Нравственность и законность при осуществлении прокурорского надзора // Всеросс. науч.-практ. конф. «Социокультурная динамика региона». Оренбург, 2000. С. 8.

14. Мамут Л.С. Государство как публично-властным образом организованный народ // Журнал рос. права. 2000. № 2. С. 88 – 100.

15. Матузов Н.И. Личность. Права. Демократия. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1972. С. 250.

16. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов: Изд-во СГУ, 1987. С. 71.

17. Матузов Н.И. Субъективные права граждан СССР. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1966. С. 46, 47.

18. Монтеро Х.П. Нотариат и судебное ведомство // Нотариальный вестник. 1998. № 4. С. 13 – 17.

19. Общая теория права и государства: Учеб. / Под ред. В.В. Лазарева. М., 1994. С. 180.

20. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 5 ноября 2008 г. // Официальный сайт Президента РФ // <http://kremlin.ru/sdocs/appears.shtml?style=63372>

21. Раянов Ф.М., Миннихметов Р.Г., Пономарев Д.А. Право и законность в демократическом обществе. М.: Право и государство, 2004. С. 97, 98.

22. Российская юридическая энциклопедия. М., 1999. С. 993.

23. Салимьянов Ф.Ф., Кузнецов И.А., Хабибуллин А.Г. Теория государства и права. СПб., 2001. С. 324.

24. Теория государства и права: Учеб. для вузов. М.: Норма, 2009. С. 256.

25. Теория государства и права: Учеб. для юрид. вузов / Под ред. А.С. Пиголкина. М., 2003. С. 389, 390.

26. Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1959. С. 46.

²⁹ См.: Монтеро Х.П. Указ. соч. С. 13 – 17.

³⁰ См.: Матузов Н.И. Субъективные права граждан СССР. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1966. С. 46, 47.

27. Филимонов Ю. Нотариус - лицо должностное? // Росс. юстиция. 1996. № 9. С. 15 - 17.

28. Ягофаров Д.А. Категории и понятия общей теории государства и права: Учеб. пос. Екатеринбург, 1995. С. 54.

References (transliteration):

1. Avak'jan S.A. Konstitucija Rossii: priroda, jevoljucija, sovremennost'. M., 1997. S. 212, 213.

2. Alekseev S.S. Chastnoe pravo. M: Statut, 1999. S. 14.

3. Aleshina T.E. Notarial'naja forma realizacii prava (Teoretiko-pravovoe issledovanie): Dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov, 2001. S. 52.

4. Bajtin M.I. Sushhnost' i osnovnye funkicii socialisticheskogo gosudarstva. Saratov: Izd-vo SGU, 1979. S. 215, 230.

5. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar'. M.; SPb., 1998. S. 408.

6. Griбанov V.P. Predely osushhestvlenija i zashhity grazhdanskikh prav. M.: Jurid. lit., 1992. S. 96.

7. Guliev V., Kolesnikov A. Otchuzhdennoe gosudarstvo: problemy politicheskogo i pravovogo otchuzhdenija v sovremennoj Rossii. M.: Manuskript, 1998. S. 23.

8. Kolosova N.M. Konstitucionnaja otvetstvennost' v Rossijskoj Federacii. M., 2000. S. 139 - 141.

9. Kolosova N.M. Obespechenie konstitucionnoj zakonnosti // Zakonnost' v Rossijskoj Federacii. M.: Spark, 1998. S. 27.

10. Komarov S.A. Obshhaja teorija gosudarstva i prava. M., 1996. S. 269, 271-273.

11. Korkunov N.M. Lekcii po obshhej teorii prava. SPb.: Juridicheskij centr Press, 2006.

12. Lazarev V.V., Levchenko I.P. Pravo-primenitel'naja dejatel'nost' organov vnutrennih del. M., 1989. S. 41, 42.

13. Makarova Z.V. Nравstvennost' i zakonnost' pri osushhestvlenii prokurorskogo nadzora // Vseross. nauch.-prakt. konf. «Sociokul'turnaja dinamika regiona». Orenburg, 2000. S. 8.

14. Mamut L.S. Gosudarstvo kak publichno-vlastnym obrazom organizovannyj narod // Zhurnal ross. prava. 2000. № 2. S. 88 - 100.

15. Matuzov N.I. Lichnost'. Prava. Demokratija. Saratov: Izd-vo Saratov. un-ta, 1972. S. 250.

16. Matuzov N.I. Pravovaja sistema i lichnost'. Saratov: Izd-vo SGU, 1987. S. 71.

17. Matuzov N.I. Sub#ektivnye prava grazhdan SSSR. Saratov: Izd-vo Saratov. un-ta, 1966. S. 46, 47.

18. Montero X.P. Notariat i sudebnoe vedomstvo // Notarial'nyj vestnik. 1998. № 4. S. 13 - 17.

19. Obshhaja teorija prava i gosudarstva: Ucheb. / Pod red. V.V. Lazareva. M., 1994. S. 180.

20. Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii Federal'nomu Sobraniju Rossijskoj Federacii 5 nojabrja 2008 g. // Oficial'nyj sajt Prezidenta RF // <http://kremlin.ru/sdocs/appears.shtml?stype=63372>

21. Rajanov F.M., Minniahmetov R.G., Ponomarev D.A. Pravo i zakonnost' v demokraticheskom obshhestve. M.: Pravo i gosudarstvo, 2004. S. 97, 98.

22. Rossijskaja juridicheskaja jenciklopedija. M., 1999. S. 993.

23. Salim'janov F.F., Kuznecov I.A., Habibullin A.G. Teorija gosudarstva i prava. SPb., 2001. S. 324.

24. Teorija gosudarstva i prava: Ucheb. dlja vuzov. M.: Norma, 2009. S. 256.

25. Teorija gosudarstva i prava: Ucheb. dlja jurid. vuzov / Pod red. A.S. Pigolkina. M., 2003. S. 389, 390.

26. Tolstoj Ju.K. K teorii pravootnoshenija. L.: Izd-vo LGU, 1959. S. 46.

27. Filimonov Ju. Notarius - lico dolzhnostnoe? // Ross. justicija. 1996. № 9. S. 15 - 17.

28. Jagofarov D.A. Kategorii i ponjatija obshhej teorii gosudarstva i prava: Ucheb. pos. Ekaterinburg, 1995. S. 54.

Г.В. ВЕРДИЯН,
кандидат юридических наук,
доцент Российской правовой академии
Минюста России

РЕФОРМА ГРАЖДАНСКОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И ПРИНЦИП
ДОБРОСОВЕСТНОСТИ
В ОБЩИХ ПОЛОЖЕНИЯХ
ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Несмотря на то что вопросы границ правоосуществления исследуются столько же, сколько существует гражданское право, вопрос об осуществлении гражданских прав не в соответствии с их действительным назначением (злоупотребление правом) всегда разрешался через призму власти того или иного государства-правового устройства.

Важно понимать, что в качестве общего правила категориями справедливости, разумности, добросовестности закон (ст. 6 ГК РФ) предписывает руководствоваться лишь при одновременном наличии четырех условий: во-первых, когда предусмотренные п. 1 и 2 ст. 2 ГК РФ отношения прямо не урегулированы законодательством, во-вторых, когда они не определены также соглашением сторон, в-третьих, когда при этом отсутствует применимый к отношениям сторон обычай делового оборота и, в-четвертых, когда в силу изложенного не может быть применена также аналогия закона. Такое регулирование вполне оправданно: суд не может оставить подсудный ему спор не разрешенным, сославшись на неурегулированность спорных отношений законом, суд обязан разрешить спор, руководствуясь, если не остается ничего иного, категориями справедливости, разумности и добросовестности и с учетом (что особенно важно в подобных случаях) имеющейся

G.V. VERDIYAN,
candidate of legal sciences,
associate professor
the Russian legal Academy
of the Ministry of justice of Russia

REFORM OF THE CIVIL
LEGISLATION
AND THE PRINCIPLE
OF INTEGRITY
IN GENERAL PROVISIONS
OF THE CIVIL CODE
OF THE RUSSIAN
FEDERATION

In spite of the fact that questions of borders of right implementation are investigated as much, how many there is a civil law, a question of implementation of the civil rights not according to their valid appointment (abuse of the right) was always resolved through a prism of the power of this or that state and legal device.

It is important to understand that, as a General rule categories of fairness, reasonableness, good faith the law (article 6 of the civil code) prescribes be guided only with the simultaneous presence of four conditions: first, when provided p. 1 and 2 item 2 of the CC RF relations are not directly regulated by legislation, and secondly, when they are not defined also by the agreement of the parties, third, when there is no applicable to the relations of the parties to the custom of the business turnover and, fourth, when the effect set forth cannot be applied also analogy of the law. Such regulation is justified: the court cannot leave jurisdiction to try him the dispute is not resolved, referring to the unresolved status of disputable relations law, the court must resolve the dispute, guided, if no choice categories of fairness, reasonableness and good faith and taking into account (which is especially important in such cases) available court practice

судебной практики разрешения аналогичных дел, о чем ни в Кодексе, ни в проекте концепций не упоминается.

Ключевые слова: добросовестность, гражданское право, государство, имущественный оборот, экономика, справедливость, разумность, собственность, защита гражданских прав.

permissions Ana-logical Affairs, about which neither the Code nor the draft concepts is not mentioned.

Key words: integrity, civil law, state, property turn, economy, justice, rationality, property, protection of the civil rights.

В нашей стране, в частности, попытки исследовать указанную проблему в 60–80-х годах прошлого века неизменно наталкивались на «авторитет» государства и ограничивались «социалистическим» назначением права. Ученые вследствие этого потеряли интерес к этой проблеме, а некоторые просто вывели ее из области гражданского права. Однако сегодня вместе с изменениями основных ценностей права возрос и интерес к этой проблеме, давно ждущей своих исследователей¹.

При этом требуется не только фрагментарная проработка и комментарий гражданского законодательства по избранной проблеме, но и скрупулезный научный анализ теории о злоупотреблении правом с «выходом» в такие смежные области знания, как философия, социология, психология². Необходим «сдвиг» науки гражданского права в целом к тому, что неправомерным может быть не только поведение, нарушающее конкретные нормы догматического права, но и поведение, нарушающее основополагающие системные связи (принципы) гражданского права³.

Весьма мало в этой области и разъяснений Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ, за исключением незначительных упоминаний о злоупотреблении правом в п. 5 постановления Пленума ВС РФ и ВАС РФ от 1 июля 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» и в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». Информационным письмом Президиума ВАС РФ от 25 но-

ября 2008 г. № 127 до арбитражных судов был доведен «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации», который содержит ряд спорных положений.

Разумность в парной категории «разумность и добросовестность» ст. 10 ГК РФ составляет ее, если так можно выразиться, «объективную», более приближенную к праву сторону человеческого поведения через ее деперсонализацию и создание образа среднего, но здорового субъекта права, способного осознавать и предвидеть свое поведение не хуже среднего человека⁴. Неразумность действий – это фактическое противоречие в структуре последовательных действий субъекта права, проявляющееся в нелогичном, неадекватном поведении при определенных обстоятельствах, т.е. внутренний признак злоупотребительного поведения. Недобросовестность – это уже соизмерение всех выявленных в своем противоречии действий с действительной целью субъекта, т.е. установление факта недобросовестного, т.е. лицемерного использования прав (обязанностей). Разумность представляет собой структурную сторону добросовестности, а добросовестность – собирательную форму здорового, адекватного, честного поведения⁵.

Итак, сложность заключается в том, что через дефиницию толковать оценочные понятия невозможно, поскольку тогда они из оценочных превращаются в формально-определенные, в то время как по своему назначению они являются ситуационными категориями, проявляющимися в конкретных, фактических правоотношениях. Но применительно к проблеме

³ См.: Волков А.В. Злоупотребление гражданскими правами. Проблемы теории и практики. М.: ВолтерсКлувер, 2009. С. 255.

⁴ См.: Лагуткин А.В., Трубников В.И., Грудцына Л.Ю. Формирование гражданского общества в России: концептуальный аспект // Современное право. 2013. № 5.

⁵ См.: Грудцына Л.Ю., Петров С.М. Гражданское общество, народ и власть: концептуальное понимание и российская специфика // Гос. и право. 2012. № 6.

¹ См.: Бабаев В.К. Презумпции в российском праве и юридической практике // Проблемы юридической техники / Под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 328.

² См.: Грудцына Л.Ю. Государство и гражданское общество / Под ред. С.М. Петрова. М., 2010.

злоупотребления правами оценочные понятия (добросовестность и разумность) несут двойную нагрузку. Они «работают» не только в области определения того или иного обстоятельства, факта правового состояния в объективном праве, но и сами становятся пределами, границами для осуществления правовыми лицами своих субъективных гражданских прав, отвечая за выявление лицемерного признака в поведении субъекта права.

Неизбежно в этом случае появление особой конструкции – «право на право», подразумевающей собственный вопрос: насколько свободны, реально возможны, правомочны действия лица на стадии реализации своего субъективного гражданского права? Ответ на этот вопрос содержится в структуре каждого субъективного гражданского права – в обязанности не использовать свое субъективное право «во зло» другим лицам.

Конституционный Суд РФ выработал конкретизирующий правовой механизм разрешения гражданско-правовых споров. В данном случае конкретизация, по сути, является первоначальным развертыванием содержания нескольких правовых норм, их сопоставлением и формулированием уточняющего вывода о том, какой конкретный правовой механизм подлежит применению в таких категориях дел. Плenum Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ осуществили последнее развитие правового содержания института добросовестного приобретателя, распространив действие соответствующих конкретизирующих положений на новые юридические факты и правоотношения этой сферы, уточнив и детализировав права и обязанности субъектов⁶.

Важно понимать, что в качестве общего правила категориями справедливости, разумности, добросовестности закон (ст. 6 ГК РФ) предписывает руководствоваться лишь при одновременном наличии

четырех условий: во-первых, когда предусмотренные п. 1 и 2 ст. 2 ГК РФ отношения прямо не урегулированы законодательством, во-вторых, когда они не определены также соглашением сторон, в-третьих, когда при этом отсутствует применимый к отношениям сторон обычай делового оборота и, в-четвертых, когда в силу изложенного не может быть применена также аналогия закона. Такое регулирование вполне оправданно: суд не может оставить подсудный ему спор не разрешенным, сославшись на неурегулированность спорных отношений законом, суд обязан разрешить спор, руководствуясь, если не остается ничего иного, категориями справедливости, разумности и добросовестности и с учетом (что особенно важно в подобных случаях) имеющейся судебной практики разрешения аналогичных дел, о чем ни в Кодексе, ни в проекте концепций не упоминается.

В п/п. 2.2 п. 2 §1 разд. I проекта концепции указано, что принцип добросовестности должен распространяться на действия (поведение) участников оборота при установлении прав и обязанностей (ведение переговоров о заключении договоров и т. д.); приобретении прав и обязанностей; осуществлении прав и при исполнении обязанностей; защите прав. Коль скоро такая цель декларируется, в соответствующие нормы ГК РФ, в том числе о возникновении гражданских прав и обязанностей, заключении договора, его изменении и расторжении, должны были бы вноситься некие дополнения либо соответствующие главы Кодекса нужно было бы дополнять новыми статьями, где как раз и отразить, как именно недобросовестное поведение при создании, например, новой вещи для себя, учреждении юридического лица, заключении, изменении, расторжении договора и т.д. влияет на приобретение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей⁷.

⁶ См.: Гаврилова Ю.А. Развитие института добросовестного приобретателя в законодательстве Российской Федерации (Теоретико-правовой аспект) // Вестник СГАП. 2010. № 6 (76). С. 80, 81.

⁷ См.: Грудцына Л.Ю., Петров С.М. Гражданское общество как социальная система: теоретико-правовые аспекты взаимодействия с государством // Образование и право. 2013. № 1 (41) – 2(42).

Так, лицо, возводящее для себя строение на самовольно занятом земельном участке, зная о том, что на данный участок у него нет никаких прав, видимо, действует недобросовестно. Лицо, осуществившее постройку и полагавшее, что у него имеются права на земельный участок, вполне возможно, добросовестно заблуждалось относительно последнего обстоятельства.

По действующему закону в обоих случаях лицо, осуществившее самовольную постройку, т.е. создавшее новую вещь для себя, не приобретает права собственности на возведенное строение (п. 2 ст. 222 ГК РФ). В проекте концепции развития законодательства о вещном праве (п. 3 раздела «Право собственности») содержится ряд весьма важных и полезных предложений по корректировке правового регулирования, предусмотренного в ст. 222 ГК РФ. Однако ни о добросовестном, ни о недобросовестном возведении самовольной постройки в этих предложениях не упоминается. Следовательно, добросовестность, как и недобросовестность лица при возведении самовольной постройки, по проекту не имеют значения в плане правовых последствий, которые различаются в зависимости от иных обстоятельств, указанных в этом пункте.

Нет в проекте концепций и предложений по изменению законодательства, учитывающих добросовестность и недобросовестность при приобретении прав и обязанностей, при осуществлении и защите прав. Исключение составляют предложения об изменении ст. 10 ГК РФ, положений о недействительности сделок, а также о введении принципа эстоппель. В п/п. 2.2 п. 1 §1 разд. I проекта концепции выдвинута идея о том, что принципу добросовестности должны подчиняться не только действия по осуществлению прав и исполнению обязанностей, но и оценка содержания прав и обязанностей сторон: например, толкование условий договора должно основываться на презумпции добросовестности сторон.

Между тем, если говорить об этом конкретном примере, устанавливать содержание прав и обязанностей сторон путем

толкования договора, основываясь на данной презумпции, по-видимому, было бы довольно трудно. Ведь тогда пришлось бы отдавать приоритет, например, не буквальному значению слов и выражений, содержащихся в договоре, а презумпции добросовестности сторон при формулировании ими толкуемого судом условия договора. Следовательно, считать согласованным не то условие, которое зафиксировано в договоре, а то, которое стороны должны были бы в него включить, если исходить из презумпции их добросовестности. Понятно, что в таком случае толковался бы какой-то другой договор, не тот, который был заключен в действительности, а тот, который не был заключен, но должен был бы быть заключен исходя из презумпции добросовестности сторон⁸.

Но даже в тех случаях, когда буквальное значение слов и выражений не позволяет определить содержание договора, толковать его с позиции добросовестности также было бы затруднительно. Положения ч. 2 ст. 431 ГК РФ направлены на установление действительной воли сторон и называют определенный круг реально существующих обстоятельств, на основании которых устанавливается эта воля, а именно — предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи делового оборота, последующее поведение сторон. Добросовестность, похоже, явно не из их числа, поскольку по смыслу данной нормы устанавливаться и оцениваться при толковании договора должны обстоятельства, имевшие место в действительности, а не те, которые могли бы иметь место, если исходить из презумпции добросовестности сторон. Проблема имеет и иной аспект.

В ст. 5 ГК РСФСР 1964 г. предусматривалось, что гражданские права охраняются законом, за исключением случаев, когда они осуществляются в противо-

⁸ См.: Грудцына Л.Ю., Петров С.М. Гражданское общество, народ и власть: концептуальное понимание и российская специфика.

речи с назначением этих прав в социалистическом обществе в период строительства коммунизма. Согласно же ст. 93 этого Кодекса имущество, находящееся в личной собственности граждан, не должно служить для извлечения нетрудовых доходов, использоваться в ущерб интересам общества⁹.

Такие формулировки позволяли фактически любую сделку оценивать на предмет ее соответствия названным требованиям. Реализация идеи о провозглашении принципа добросовестности также приведет к тому, что любые действия участников гражданских отношений, а равно воздержание от действий должны будут оцениваться судами с учетом того, соответствуют эти действия (бездействие) данному принципу или нет¹⁰.

Уместно в связи с этим сослаться на то, как, например, предполагалось решить указанный вопрос в п. 6 проекта информационного письма Президиума ВАС РФ «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации», опубликованного на сайте ВАС РФ, применительно к бездействию залогодержателя. В данном пункте как злоупотребление правом было расценено бездействие залогодержателя, длительное время не предпринимавшего с целью увеличения задолженности должника по обеспеченному залогом обязательству мер по обращению взыскания на заложенное имущество, предоставленное залогодателем – третьим лицом.

В приведенном примере Суд счел, что, поскольку к моменту предъявления иска значительно увеличилась сумма процентов и причиной этого стало бездействие залогодержателя (банка), не предпринимавшего мер по реализации заложенного

имущества и по взысканию долга с основного должника, хотя залогодателем банку неоднократно направлялись письма с предложением о заключении соглашения о внесудебном порядке обращения взыскания на предмет залога, которые были оставлены банком без ответа, а иск был предъявлен лишь перед истечением срока исковой давности, действия истца следует квалифицировать как злоупотребление правом на обращение взыскания на заложенное имущество (п. 1 ст. 348 Кодекса). Суд решил, что сумма процентов, начисленная истцом с момента получения первого письма ответчика, не подлежит возмещению из стоимости реализованного заложенного имущества.

В текст принятого впоследствии Президиумом ВАС РФ информационного письма от 25 ноября 2008 года № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» этот пункт включен не был, что может означать понимание Президиумом ВАС РФ небесспорности изложенного в нем подхода, следовательно, вопрос о возможности отказа во взыскании процентов при названных обстоятельствах нельзя считать окончательно разрешенным.

В то же время провозглашение добросовестности в качестве принципа гражданского законодательства способно повлечь далеко идущие последствия, крайне опасные для стабильности гражданских правоотношений. Так, следуя логике суда в приведенном примере, уместно задаться вопросом: соответствует ли принципу добросовестности, например, требование банка об увеличении залогового покрытия при уменьшении стоимости предмета залога в условиях вызванного кризисом снижения цен на соответствующие активы, а равно о досрочном расторжении кредитного договора при невыполнении заемщиком этого требования? Ведь банк имеет возможность поступить иначе: например, заключить по просьбе должника соглашение об отступном, оставив заложенные активы за собой и освободив тем самым должника от его обязательств по кредиту, или не тре-

⁹ См.: Приходько И. Концепция развития гражданского законодательства. Спорные и нерешенные вопросы // Приложение к ежемесячному юрид. журналу «Хозяйство и право». 2009. № 8.

¹⁰ См.: Грудцына Л.Ю. Гражданское общество и сфера частных интересов // Образование и право. 2012. № 12 (40).